

ЧАСТЬ 1. 1983–1985

Предисловие

В то время, которое предшествовало знакомству с хиппи, случаев познакомиться с ними у меня было предостаточно. Еще живя в Москве на Ленинском проспекте в доме 71, из которого мы переехали в 1971 году, я видел довольно много наших же дворовых старших ребят с волосами как у былинных русичей, то есть значительно длиннее общей детской прически «полубокс», — именно с такой длиной волос, как потом у 80% активной тусовки в мою бытность хиппи. Дворовые ребята постоянно что-то бренчали на гитарах компаниями у подъездов и в скверах за бутылкой портвейна. Все они подражали неведомой мне моде. То есть вид хайра, запровленного за уши, клешей и прочих отступлений от «уставного образца» был уже привычен и в 60-е, и в 70-е, типа жевания жвачки. Спустя многие десятилетия выяснилось, что часто в третьем подъезде нашего дома у одного пьянчужки, дяди Коли, бывал Владимир Высоцкий. Может быть, поэтому наши дворовые стилиги переняли его стиль песен, расклешенных штанов и длинных волос. А может, он тогда с ними пел на улице, а я не знал, кто этот очередной жиган¹... В том же подъезде, что и дядя Коля, жила семья художника Вербового, сыну которого разрешалось носить довольно запущенную прическу, но все же не до плеч.

И позже, в середине — конце 70-х, было даже в школах полно таких хулиганистых хайратых ребят в несколько расклешенных брюках «неуставного образца», но поначалу они редко были настоящими фирменными джинсами. Часто это были штаны из какой-то полосатой, широкими разноцветными, но неяркими полосами грубой материи типа матрасной. Но именно в нашей школе один из четырех старших классов, так называемый «простой», то есть не математический, мог похвастаться левисами, райфлами и вранглерами у нескольких представителей. Просто этот класс набирался из окружавших школу домов, заселенных зачастую военной, научной и административной

номенклатурой, которая имела другие возможности, как в форме спец-распределителей, так и за счет больших зарплат и, самое ценное, поездок за границу. Некоторые из них, как оказалось, были знакомы с кем-то из Системы (как описываемый далее Андрей Субботин), и она оказывала на них поверхностное влияние. Но большинство просто слепо перенимало тот внешний вид, который был у западных музыкантов или героев западных фильмов. Поэтому, видимо, такой внешний вид молодежи особого внимания окружающих уже не привлекал.

В это же время, выезжая в центр города с родителями или самостоятельно, я видел группки или одиноких сильно патлатых, как тогда говорили, молодых людей, но значения этому не придавал.

Времена были на редкость странными: с одной стороны, на улицах серая масса плохо одетых одинаковых людей, с другой — в транспорте встречались дамочки без бюстгальтера, и даже учительниц в школе можно было встретить в таком виде. Мини-юбки, распущенные волосы, сверхузкие сверху и расширенные максимально снизу штаны (в пик только что отгулявшей моде облегающих штанов стилияг), цветастые рубахи, распахнутые на груди у молодежи, представляли собой праздник жизни в отличие от суконной толпы в фуражках, которой в Москве было море разлитое. И если в начале 70-х слушали Высоцкого и травоядных «Битлов», то в конце 70-х все повально сидели на «Перплах», «Цепелинах», «Трексах», «Блэк Саббатах», «Киссах», «Спарксах», «Статус-Кво» и одновременно психоделических «Пинк Флойда», «Йесах» и «Кинг Кримсонах». А танцевали под «Арабесок», «Бонни М.», «Аббу» и диско.

Кстати, очень детальное знакомство со всеми этими группами у нашего класса было совершенно правильным, но нестандартным для советских школьников. Классе в 8-м или 9-м наша одноклассница, потомок А. С. Пушкина, Катя Пушкина, организовала очень основательную лекцию в самом классе о рок-музыке, которую вели студенты, кажется, МГИМО. И вот представьте, какого они были вида, эти будущие идеологические борцы за коммунизм в джунглях западного капитализма, — худые, высокие, в джинсе с ног до головы, причем самых модных брендов, опять-таки с широкими классными клешами (мои дети презрительно сейчас их называют «слоновьи ноги») и с длиннющими волосами. Аппаратура у них была не магнитофон «Маяк-203» и стерео-проигрыватель «Аккорд-001» советского производства, как у некоторых из нас, а добротные «Акаи», «Панасоники» и уж не помню, что еще. Они

ставили слушать очень для нас необычную и по названию, и по звучанию музыку, как, например, отрывки из рок-оперы «Иисус Христос Суперстар»², «врубившей» множество народа на планете в хиппизм и духовные поиски, и много других. Но и они никак не связывались в моей голове с особой субкультурой и специфическим сообществом, которое надо бы поизучать вблизи. В 10-м классе мы с моим приятелем из соседнего дома, Вовкой Никольским, уже начали заниматься перезаписью пластинок на магнитофонные ленты, что-то на что-то менять, доставать фото западных музыкантов и даже их плакаты, но и тогда я не обращал внимания на общую моду отращивания волос у слушателей рока.

Следующие встречи, причём бок о бок и в течение нескольких часов, были в самом логове «неформалов», как говорили позднее, а именно в питерском «Сайгоне», в который я попал два раза с перерывом в три года — летом 1978 года и летом 1981-го. Множество хиппарей и прочей выдающейся публики было вокруг, но почему-то все мое внимание было сосредоточено на большом выборе пирожных, чае (кофе долго не пил) и томике Пушкина «История Пугачевского бунта», купленном за углом в «Букинисте»... Мимо, мимо и еще раз мимо... Хотя насчет бунта, наверное, в самую точку.

Когда я написал первую часть, нашлись дневники и другие записи того времени, которые проливают свет на то, как же было на самом деле, хотя большинство событий и лиц я помню, как мне казалось, «как вчера». И сами факты, и последовательность происходившего и толкование спустя 35 лет во многом претерпели множественные изменения в моей голове... Это по вопросу работы с «источниками» для историков. И сами участники, и очевидцы, и те, кому все рассказывали, со временем меняют и акценты, и даты, и последовательность, и истолкование. Наверняка была еще масса событий и людей, которых я забыл, а после прочтения дневника вспоминаю... Так что в воспоминания включаю выписки из дневника и других источников.

Начало. Крока

С первым хиппи я познакомился в самом конце 1983 года, через месяц по отбытии армейской службы. В подвал к Кроке (Сергею Бобылеву по паспорту) меня привел знакомый часовщик Юра Брусиловский, с которым

Крока и Виктория Эйт. 1983

мы познакомились в самодеятельном школьном театрике Зальцмана «Здравствуйте». С ним мы тогда же, после занятий у Зальцмана, ходили почти во все московские театры, бывало посещая и по три спектакля за вечер по одному отделению в каждом. В общедоступные театры, не «дефицитные». О них отдельный разговор. Но общности у театралов не было, все люди, входя и выходя из театра, никак между собой не общались, и, соответственно, никакого удовлетворения ищущей общения натуре это не давало. Да и у Зальцмана царила снобистская и стесняющая атмосфера, а премьеры и любимцы упражнялись в неприличных полунамёках и соревновались в специфическом остроумии. Они все друг друга хорошо знали по школе, так как Зальцман был школьным учителем литературы. И в этой же школе по вечерам вел театральный кружок.

Этот первый хиппарь по прозвищу Крока до сих пор остается в моем сознании как классический творческий индивид и образцовый хиппи. Самовлюбленный, начитанный, талантливый, окружающий себя почитателями и просто публикой, он постоянно что-то выдумывал, творил картины, хеппенинги и праздники, кипел энергией и впадал в красивую ипохондрию.

Крока (потом переименовавший себя в Улитку Сольми, затем просто в Сольми) работал плотником в каком-то ЖЭКе в Измайлове и, несмотря на то что его мама была на номенклатурной высоте, жил в малюсеньком подвале, вернее, одной комнатенке полуподвала, где

Аркадий Гуру и Виктория Эйт

одновременно что-то строгал для ЖЭКа и писал темперазные, пастельные и акварельные картины очень радужных, радостных цветов, где было много мыльных шариков, улиток, бабочек, его любимых ирисов (на которые я до него никакого внимания не обращал, так же как и на другие цветы, которых у нас на дачах у всех росла уйма) и его самого, обладая правильным рисунком и неизмеримым нарциссизмом. Его подруга, Эйт, впоследствии Виктория (Оля Спиридонова), с красивыми близорукими и близко поставленными глазами, была его музой. Расставшись с ним, она стала музой совершенно другого типа хиппаря, но тоже творческого человека, большого поэта Аркадия Гуру (Славоросова, тоже покойного ныне).

Сольми, как и декларировал, шел всегда своим путем, редко соглашаясь участвовать в событиях, организованных не по его инициативе. Идеи, как, например, с «Улицей Любви», долго вынашивал, но не отступал перед трудностями и умел реализовать в том или ином виде через многие годы. Но в основном он жил восхищением от эпохи модерна, Серебряного века, писал картины, стихи, делал какие-то ювелирные украшения, прибабасы и штучки-дрючки. Он создавал вокруг себя специальную творческую тусовку, которая разделяла его восторг от начала XX века, сама была заражена стихо- и художественным творчеством и, главное, признавала его гениальность. Действительно, к нему приходило много музыкантов: Хонки, Леша Ной, Фрэнк

В мастерской Кроки. Крайний слева — Крока, крайний справа — Пахом Сергей. 1983

питерский, Боровский, Милорд, но много народа просто немного играло на гитарах, как сам Крока, или на флейтах (хорошо играла только Кэт), и сейшена образовывались сами собой.

С Крокой связаны не только мои первые знакомства с хипповой средой, живописью и фенечками, но и первый хипповый выезд в Ригу, первый автостоп, кафе «Русский чай» на улице Кирова и сама уличная тусовка. Было такое легендарное кафе самообслуживания за чайным домиком на ул. Кирова (ныне Мясницкой) рядом с магазином «Спорт», в котором я успел побывать один-единственный раз перед его закрытием и поглядеть там на «олду» (старых хиппи) и винтилово, которое продолжилось через час до подземного перехода от «Кировской» (теперешняя станция «Чистые пруды») к «Тургеневской», где также собирался пипл, и мы убегали от «Березы»³ и ментов. Еще были походы по историческим местам Москвы, как, например, в Донской монастырь, чтобы посмотреть сохранившиеся барельефы с храма Христа Спасителя, о котором я ничего толком не знал, хотя и слышал, купаясь постоянно в бассейне на его месте, и по переулкам в центре с особняками в стиле ар-деко. Были и всякие невероятные истории. Например,

помню, заходит к Кроке в мастерскую очень колоритный человек, Леша Ной, тоже плотник и гитарист, с многолетним сивым хайром, выпучив и без того круглые глаза, и рассказывает, как на него напала урла. А он шел из хозяйственного, где для работы купил кулек гвоздей. Нес их в авоське и, когда шпана попыталась его чем-то ударить, размахнулся и всадил авоськой по черепу нападавшему. Гвозди массой впились в череп без мозгов, ну и нападающих тут же как ветром сдуло.

Внешность у Ноя просилась на сказочные, типа лешего или Кощея, сюжеты. Впрочем, на библейские он бы тоже подошел, хотя никакого отношения к евреям, даже несмотря на свою сильную картавость (как и я), не имел. После 1984–1985 годов его почти не встречал, семейная жизнь, видимо, заела.

Кстати, у хиппи я никогда не слышал разговоры про национальность в том смысле, как они возникли после 1991-го. Зато я узнавал там про князя Кропоткина, Бакунина, Уолта Уитмена и даже получалось брать почитать Торо и Воннегута с Маркесом. Хотя, услышав о достойных авторах, мог сходить к моему приятелю Грише Бердичевскому за подобной литературой. У Гриши я брал и Станислава Лема, и Стругацких, и того же Воннегута, Булгакова и многое другое, что невозможно было купить или даже взять в библиотеке. Это сейчас все эти книги на развалах за копейки продаются, а тогда или ходи по друзьям и выцыганивай почитать, или иди на толкучку на Кузнецком мосту или у памятника Ивану Федорову, где предлагались кое-какие, не все, из этих книг за многократно увеличенную сумму сравнительно с официально значившейся на обложке. Да и не каждому предлагали, часто отворачивались, заподозрив или отсутствие достаточного количества денег, или провокацию милиции. Хорошие и не всегда оцениваемые по достоинству вещи проскальзывали в журнале «Иностранная литература», как, например, Анхель Мария де Лера и Марио Варгас Льюса, которыми я зачитывался похлеще, чем книгами Хемингуэя и Фицджеральда. Кстати, хиппи с их рукодельным шитьем и вышивкой, хайрами и хайратниками заставили меня прочесть дореволюционное роскошное издание «Песни о Гайавате» Лонгфелло с превосходными гравюрами⁴, которое долго у меня лежало без дела. Правда, без обложки. Мы его когда-то добыли в пункте сдачи макулатуры с моим тогдашним другом Вовкой Никольским. То есть люди сдавали старинные прекрасные и редкие издания, чтобы получить какую-нибудь «Графиню Монсоро» или «Собаку

Баскервилей» на ужасной бумаге... Кстати, у Вовки или у Аркадия Нозика я еще в 10-м классе, кажется, брал «Архипелаг ГУЛАГ» читать, который окончательно меня избавил от совковых туманных иллюзий.

У Кроки в подвале отогрелись и отпавались чаем с неизменным вареньем Володя Поня, Миша Мигель (или Майкл) с Коломенской (со своим молчаливым приятелем почти близнецом Тони) и с красивой Светой с очень большими глазами и круглым лицом (она постоянно ходила в шляпке-панамке по типу наших солдатских из Среднеазиатского военного округа), Машка с Володей Ромашкой, высокая герла нехипповой внешности, но страшно тусовая, Лена Кэт, гитарист Сережа Хонки (Щелкунчик), Пал Палыч и Леша Пахом из Крокиного худучилища и их преподаватель по фамилии Сальпетр, милейший Милорд с полиомиелитными ногами, высокомерный и неразговорчивый скрипач Серж Паганель, Маги Габарра из Пскова, легкомысленная, но себе на уме Джуди, шумная большая Гелла и непредсказуемая эталонная хиппица Света Шапокляк... в общем, почти все, как мне кажется, из активной тусовки начала — середины 80-х и бездна «сочувствующих».

Этот подвальчик был одним из немногих гостеприимных и безопасных мест тусовки, хотя и находился далеко от центра, на какой-то там Парковой в Измайлове. Настоящее подполье и при этом в некотором роде светский салон, где было много музыки, смеха, стихов, картин, книг, умных разговоров, чая с вареньем (которое я несколько раз доставлял через всегда открытое маленькое окошечко для этих детей подземелья), иногда вино или травка, но никогда не было ширялова. Любителей понапускать важности и таинственности хватало, они приносили свой шарм в общество, но было не так скованно, как в театре Зальцмана. То кто-нибудь Шамбалой⁵ и Гурджиевым заморочит нам голову, то, наоборот, сказками про оптинских или загорских старцев-мухоморцев, то сказочками из жизни поэтов Серебряного века, то слухами про западных хиппи. Сальпетр, небольшой, кругленький, лысоватый блондин с профессорской бородкой, в костюме, считался большим знатоком китайского и японского акварельных набросков, а также тантрической йоги, которая была, конечно же, на порядок круче, чем модная тогда обычная йога.

Кстати, о моде тогда на такие вещи, которые предшествовали Джуне, Кашпировскому и прочим прорицателям и лекарям. Все это было подпольно в буквальном смысле. Все эти любители йоги, карате,

культуризма, иглоукалывания и только входившего в силу джиу-джитсу проводили свои занятия в буквальном смысле под полом, в таких же подвалах, под вывесками кружков гимнастики и дыхательных упражнений или без них. КГБ одно время их гонял, а потом, видимо, и сам увлекся. Вся литература по этим направлениям магии, позам лотоса с придыханием и силовым единоборствам была в виде ксероксов, продавалась маленькими книжечками рублей по пять и со страшными предосторожностями. При этом, естественно, все ксероксы были на строгом учете в КГБ, поэтому многие подозревали, что печатают и распространяют их сами гэбэшники, прибавляя себе к зарплате больше, чем некоторые цеховики⁶...

Кстати, еще о Кроке. Был он один из самых мощных «врубщиков» в Систему и, легко знакомясь где угодно, делал из молодых людей тузовщиков и романтиков. Из тех, что я помню, с десяток-другой советских комсомольцев забыли и про комсомол, и про светлое коммунистическое будущее и начали просто жить светлым настоящим... Иногда и в коммунах, антикоммунистических по сути.

Прозвища

Чуть позже, когда я уже знал много народа в Системе и много со всеми общался, я стал думать, какое бы прозвище взять себе. Романтическая атмосфера предполагала романтическое и неординарное самоназвание. Помню, как, спускаясь по лестнице на станции метро «Беляево» встречать какую-то компанию, где были девушки, которые были мне не совсем безразличны, я решил стать Прекрасным Принцем, сокращенно P. Prince. Меня к этому подталкивал также Крока, который сам мне ничего придумать, однако, не мог. Он также оказался в той компании на станции. Я ему сообщил о своем новом прозвании, а он торжественно и громко провозгласил, кто я теперь есть. Нужно сказать, что никакой иерархии в Системе не было, и мое самопровозглашение хоть Червяком, хоть Повелителем Вселенной не предполагало никакого статусного положения. В Системе были Герцог, пара или тройка Князей и Графов, Князек, какие-то, кажется, Маркизы и еще некоторые самотитулованные особы, типа Лорда, но, так же как Моцарт и Кошка, никто из нас не мнил себя ни владетельной особой, ни гениальным композитором, ни кем-то, кто должен бегать за всамделишными мышами и вести себя